

Отряд подполковника В. И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г.

Опубликовано: Отряд подполковника В. И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г. // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2008. С. 216-251.

[216] Об отряде подполковника В. И. Дибича, старшего брата будущего фельдмаршала, мы уже писали.¹ Однако о начальном периоде его действий в 1812 г. до сих пор было почти ничего не известно. Обнаруженное в РГВИА дело о расследовании действий Дибича и его отряда в сентябре-октябре 1812 г. в Смоленской губернии позволяет восполнить существующий пробел и дает дополнительный материал для характеристики как этой воинской части в целом, так и ее командира в особенности.

В бумагах, доставленных Дибичем 1 мая 1813 г. командовавшему орловскими легионами из военнопленных генерал-майору К. М. Герздорфу, имеется список офицеров его «волонтерского корпуса» с краткими сведениями о них. В том числе есть сведения и о самом Дибиче. Ему было тогда 49 лет. Своей родиной он считал Россию. Указывал, что служил в Пруссии, затем в русской армии в 1-м мушкетерском полку, 26-м егерском полку, 27-м егерском полку (и был одновременно начальником партии – очевидно речь идет о войне 1806-1807 гг.), и наконец в 25-й егерском полку. Последняя запись – «шеф партизан и командир волонтеров». Отдельно описывает Дибич свою «службу партизана». В списке значится, что «шефом» партизан он стал «согласно устному приказу его величества» от 27 марта 1812 г. и в качестве такового был «командирован генералом Барклаем де Толли 13 августа 1812 г». Позднее статус Дибича был подтвержден императорским указом 31 октября 1812 г.²

В том же списке Дибич, говоря о себе в третьем лице, сообщает о службе в легионе: «Принужденный долгом партизана, он создал в районе Дорогобужа в августе месяце из взятых им пленных добровольный корпус под своим командованием, согласно указу его императорского величества от 31 октября 1812 г. этот корпус был передан под его команду и [он] получил приказ увеличивать его насколько возможно. Он был подчинен князю Волконскому, а вскоре графу Витгенштейну, от которого получил приказ идти на Витебск и там ожидать дальнейших приказов. Указом 20 января 1813 г. он был передан под команду [217] генералу Герздорфу и волонтерский корпус получил название легиона».³

24 октября 1812 г. в объяснениях полковнику Ивашинцову, Дибич сообщил что он «по высочайшему именному словесному повелению был отряжен от корпуса гр. Витгенштейна, где... находился командиром в передних постах, к военному министру Барклаю де Толли в должность партизана», а 14 августа ему была «препоручена... от господина министра партия с секретными инструкциями».⁴

Некоторые подробности Дибич приводит в рапорте управляющему Военным министерством князю А. И. Горчакову от 16 июля 1813 г. «В прошедшую кампанию, - пишет он, - назначен я был шефом партизанов и составить из иностранцев волонтерный корпус с тем, чтобы сдержать оный между Духовщины и Вязьмы для воспрепятствования неприятелю пресечь коммуникационную линию, находящуюся между Москвою и Полоцком и тем сохранить от его нападения провиант, находящийся между нашею Большою армиею и корпусом графа Витгенштейна». Зная твердость немцев Дибич решил привлечь их на сторону России, объясняя им, что в рядах армии Наполеона они сражаются против своего отечества, что их государи не свободны в своих поступках, но «не смеют им сказать, что они невольники». Приглашая немцев служить «волонтерными партизанами» он обещал им возможность вернуться в свое отечество или позволение жить в России, а кроме того сохранение всех выгод их прежней службы. Немцы храбро сражались, так что даже казаки, находившиеся в составе отряда Дибича, отдавали им «справедливую похвалу».⁵

К сожалению вышеприведенные данные о мартовском назначении Дибича содержащиеся в бумагах, составленных и подписанных им самим, пока не нашли подтверждения в официальной переписке, что особенно актуально в виду склонности Дибича к искажению фактов. Обнаружить же подтверждение устного распоряжения императора представляется делом довольно проблематичным. Однако, если это мартовское повеление имело место, то оно свидетельствует о подготовке к партизанским действиям еще до начала кампании 1812 г. Косвенным доказательством могут служить полковые рапорты 25 егерского полка, согласно которым Дибич был причислен в полк 16 мая, но [218] так и не прибыл туда, поскольку находился при корпусном начальнике по особому поручению.⁶ Возможно, этим поручением и была подготовка к ведению партизанских действий. Еще одним, впрочем тоже не прямым, подтверждением такого развития событий является квалификация А. П. Ермоловым Дибича как «первого из немцев партизана», которого довелось видеть русским еще во время кампании 1806-1807 гг. Оценка эта тем более важна, что она дана в письме Д. В. Давыдову из Тифлиса 10 февраля 1819 г., уже спустя несколько лет после завершения войны 1812 г., в которой активно развернувшиеся действия русских партизан дали множество ярких фигур.⁷

Гораздо более актуальным и значимым этот приоритет Дибича, о котором вспомнил Ермолов, мог казаться до нашествия Наполеона на Россию. Впрочем, как бы то ни было, вопрос о ведении партизанских действий накануне Отечественной войны был в поле зрения высшего военного и политического руководства империи. В частности, их необходимость обосновывалась в известной записке П. А. Чуйкевича, датированной 2 апреля 1812 г.⁸

Сведения о создании отряда В. И. Дибича в августе соответствуют истине. Есть данные, что в «партию» Дибича под Вязьмой 17 августа 1812 г. М. А. Милорадович командировал эскадрон Оренбургского драгунского (позднее уланского) полка под командой майора Доллеровского. Этот эскадрон, как и другие российские части, находился при отряде Дибича еще в апреле 1813 г.⁹ Впрочем, сам Доллеровский в рапорте от 6 ноября сообщает, что состоял в отряде Дибича с 16 августа по приказанию генерал-майора И. Г. Шевича.¹⁰ Историк Н. Поликарпов считал, что отряд Дибича существовал с 14 августа 1812 г.¹¹ Но главное – в бумагах Ермолова (тогда начальника штаба 1-й армии), относящихся к августу 1812 г., сохранилась запись распоряжения М. Б. Барклая де Толли следующего содержания: «Подполковника Дибича отправить к Шевичу (Шевич командовал отдельным отрядом. – Б. М.) с тем, чтобы он его употребил партизаном для открытия неприятеля и доставления верных известий, что в Духовщине и какое неприятель берет направление».¹² Публикуя в 1912 г. повторно этот документ Б. М. Колюбакин датировал его по содержанию 13 августа, т. е. днем, когда российские армии отступили от Дорогобужа на Вязьму.¹³

Согласно жалобе, поданной управляющим именем И. И. Барышникова майором Л. Ф. Ладыниным, 27 августа Дибич с [219] отрядом прибыл в с. Николо-Погорелое Дорогобужского уезда и жил там до 16 сентября. Причем при перечислении состава отряда Ладынин упоминает эскадрон оренбургских драгун, казачью команду и набранных в отряд пленных.¹⁴ Согласно квитанции, представленной позднее властям, отряд Дибича довольствовался в Николо-Погорелом до 18 сентября.¹⁵ В уже цитированном рапорте Горчакову 16 июля 1813 г. Дибич писал: «Буйство крестьян, вооружившихся противу нас, недостаток как-то в амуниции и в снарядах принудили меня наконец ретироваться к г. Белый, где я потеряв сношение с главной армией и нашел в беспрепятственном сношении с графом Витгенштейном, в то время меня обвинили в набрании называемыми шайкою разбойников, и так как все объяснения были требованы непременно на русском языке, в коих я не мог совершенно правильно изъясняться, почему от меня и была отобрана вся команда, состоявшая боле 700 хорошо вооруженных и устроенных человек (авторский синтаксис и грамматика сохранены. – Б.М.)».¹⁶ Примечательно, что в 1813 г. Дибич ни

словом не обмолвился о своих ложных донесениях относительно передвижения французских войск, которые были одним из оснований отрешения его от командования, и представлял себя невинной жертвой клеветы и недоразумений.

20 сентября 1812 г. отряд Дибича вступил в город Белый. А уже 4 октября уездный предводитель дворянства Л. И. Каленов отправил Горчакову рапорт, где жаловался на его поведение. Каленов сообщал, что в пределы уезда «часто входят для грабежа неприятельские толпы», для «истребления которых учреждено было с согласия дворян уездное конное вооружение, которое всегда с успехом нападало на неприятеля» и взяло в плен до 200 чел., отправленных в Торопец. Тем не менее, появление отряда Дибича ободрило жителей. «Но несколько странный образ правления его Дибича и непомерное требование на несоразмерное количество порций провианта и фуража и видимое доверие во всем предпочтительное против русских солдат принятым им в службу иностранцам» смутило власти. Кроме того, Дибич не представил никаких бумаг от начальства, а иностранцы из его отряда «часто дезертировали и, уповательно, к своим войскам». По частным сведениям Каленова отряд Дибича состоял тогда из 59 драгун Оренбургского полка, 140 казаков и татар, [220] 80 бежавших из плена русских солдат и до 200 человек принятых в службу пленных «разных наций немцев».¹⁷

К рапорту Каленов приложил требование Дибича к дворянам Бельского уезда Смоленской губернии. Из чрезвычайно путаного и безграмотно написанного текста ясно, что Дибич по отношению к бельскому дворянству применил тактику запугивания. Причем пугал он отнюдь не нашествием врагов, а тем, что в условиях войны «смертоубийство, грабеж, тиранство, бунт грозят везде имению», что подданные могут превратиться «в грабительскую банду». Для того, чтобы «эту худобу... задушить» он и предлагал услуги своего отряда. «Обстоятельства требуют завсегда, - писал он, - времени сбережения и я могу только по 4 или по 6 октября дожидаться, так ли мне дворянство воспоможет, как мне нужно».¹⁸

Надо сказать, что аргументы были Дибичем выбраны верно. При приближении наполеоновской армии в Смоленской губернии, в частности в вотчинах И. И. Барышникова соседнего Дорогобужского уезда, крестьяне вышли из повиновения – захватывали имущество в господских усадьбах, угоняли скот, сжали и увезли господский хлеб.¹⁹ Хотя Ладынин ни о каких конфликтах с крестьянами не упоминает, поверенный Барышникова С. Ребров 4 ноября сообщил, что после ухода Дибича из Николо-Погорелого крестьяне «не взирая ни на что» взбунтовались и начали «и последнее все имущество и хлебные магазины обще с подводимыми неприятельского войска командами грабить и до того погорельский дом довели, что ничего кроме стен не осталось».²⁰ О

беспорядках в Николо-Погорелом Дибич несомненно знал и, можно предполагать, отчасти сам их спровоцировал, дав пример грабежа господского имущества, о чем речь еще пойдет. Свидетельством напряженной социальной обстановке в губернии является и высочайшее повеление 15 октября, содержащее пункт об усмирении возмущившихся крестьян Дорогобужского уезда, убивших своих помещиков Лыкошина и Бердяева. Во исполнение этого повеления, генерал П. М. Волконский, не успевший к тому времени составить представление о подполковнике Дибиче и его отряде, решил отправить его для «прекращения мятежа», о чем и донес императору 25 октября 1812 г.²¹ Однако, судя по имеющимся материалам, никакого участия в подавлении крестьян отряд Дибича не принял.

Вернемся, однако к требованию Дибича. В обмен на защиту [221] он требовал от бельского дворянства фактически взять на содержание его отряд. На жалование и рационы своей партии с 1 мая по 1 сентября он просил 18 638 руб. 25 коп. (на оплату шпионов и награды он обещал пока тратить собственные средства). Деньги эти Дибич просил собрать как можно скорее с тех, кто ближе и богаче с позднейшим перерасчетом и равномерной раскладкой на остальных, а вообще предлагал сформировать «казну» под надзором особого комитета из дворян округа. Съестные припасы он предлагал свозить на первый случай в Белый, Ржев и Торопец. Подобные же депо предлагал Дибич организовать и во всех прочих уездах, которые он собирался очистить от неприятеля, для чего требовал назначить особых чиновников из дворян, прикомандировав их к его отряду (речь шла в частности о Вяземском, Сычевском, Духовском, Дорогобужском, Смоленском и Пореченском уездах). Как видно, Дибич предполагал быстрое расширение масштабов своей деятельности. Он просил 1800 аршин сукна на пошив шинелей, еще тысячу с лишним аршин на рейтузы и фуражки, кроме того 560 полушубков, 620 пар перчаток и материал на 631 пару сапог. В каждом уездном городе, освобожденном от неприятеля или от которого будет удалена опасность, он предлагал организовать депо для хранения одежды на 1000 человек. В качестве важнейшей меры «первый партизан» предлагал конфискацию оружия у населения, организацию способных к службе мужиков в особые команды и выдачу им оружия только от властей. Все отбитое у неприятеля оружие следовало свозить в уездные города и передавать милиции. Для своего корпуса Дибич требовал для начала 180 пехотных ружей, 26 сабель, 49 карабинов и 21 пистолет. В каждый уезд он обещал послать по образцу пики для производства и вооружения крестьян, поскольку «мужичьи пики бесполезны», а также предлагал прислать в Белый из прочих уездных городов мастеров для починки оружия. Кроме того Дибич требовал 9 передков для орудий, зарядные ящики, фитили, 152 пуда пороха, 449 пудов свинца,

медикаменты, хирургические инструменты, 416 лошадей. Приведенный список требований Дибича далеко не полон. Любопытно, что партизан рассчитывал иметь в скором времени 24 или 28 пушек и обещал принимать в свой «корпус» дворян с их вооруженными людьми и даже мужиков. В конце текста следует «маленькое замечание», в котором Дибич вновь переходил к угрозам: «ежели етая жертва одному или другому слишком [222] важна и велика покажется», то «совершенное разорение чрез беспокойных мужиков» приведет к еще более «жалостным последствиям».²² Отдельно Дибич поведал дворянству свой «план, кои часть сообщить его можно». Согласно ему, когда бельское дворянство предоставит все необходимое вооружение и снаряжение, и отряд усилится, Дибич будет ограничивать неприятельские движения, наведет порядок внутри уезда, а затем начнет продвигаться далее, вытесняя противника из соседних уездов и так «мало помалу» очистит всю губернию от французов. В случае успеха, партизан планировал перенести свои действия в другие губернии, а в Смоленской передать начальство надежному человеку.²³

Встревоженный известиями из Белого Горчаков предписал 16 октября полковнику Ф. П. Ивашинцову немедленно отправиться на место и произвести подробное расследование, итоги которого были представлены 8 декабря 1812 г. в Военное министерство²⁴. Управляющий Военным министерством предписывал выяснить кем отправлен Дибич в Белый и с какой целью, а также потребовать у него соответствующее предписание. Ивашинцов должен был установить, чем руководствовался Дибич в своих требованиях к бельскому дворянству, на каком основании он принимает на службу иностранцев, каких именно наций, почему им оказывается большее предпочтение чем русским, и вообще узнать точный состав отряда. В конце Горчаков сделал собственноручную приписку, разрешив Ивашинцеву в случае упорства Дибича отрешить его от команды и истребовать все необходимые сведения от старшего после него офицера.²⁵ В тот же день Горчаков приказал Дибичу исполнять все требования Ивашинцова «беспрекословно и без малейшего отлагательства».²⁶ О ситуации в Белом и о назначении расследования Горчаков донес императору. На этом донесении имеется резолюция, написанная рукой Аракчеева: «Государь читал 22 октября».²⁷

Привлек внимание властей Дибич и своими действиями на поприще борьбы с неприятелем. 7 октября он сообщил полковнику Чернозубову 8-му, что войска корпуса маршала К. В. Виктора по его сведениям двигаются на Зубцов, Сычевку и Белый с намерением идти далее на Петербург.²⁸ Встревоженный сведениями Дибича император Александр приказал генералу П. М. Волконскому составить отряд, для противодействия этим [223] движениям неприятеля, включив в него среди прочих войск и отряд Дибича.²⁹

Однако вскоре выяснилось, что это известие было ложным. 27 октября Волконский направил императору рапорт, в котором утверждал, что прибыв в Осташков узнал «по слухам» о неосновательности сведений Дибича о неприятельских движениях, но все же послал к нему фельдъегеря с запросом о силах неприятеля. Однако Дибич соизволил ответить только через неделю. Тем временем, прождав напрасно три дня, Волконский послал вслед за фельдъегерем в Белый флигель-адъютанта полковника Балабина. Балабин должен был выяснить причины ложного донесения Дибича, а также опросить жителей Бельского уезда, не было ли со стороны Дибича им причинено «каких-либо обид, притеснений и грабежа», о которых Волконскому стало известно от предводителя дворянства Бельского уезда Каленова. В случае виновности Дибича Балабин должен был принять от него команду и отправить его с фельдъегерем в Осташков для препровождения в Петербург. Однако, прибыв в Белый, Балабин встретил там полковника Ивашинцова и не стал вмешиваться в дело. Волконский одобрил решение Балабина и направил Ивашинцову жалобу предводителя. Рапорт Волконского обо всем этом, согласно отметке на нем, сделанной рукой Аракчеева, был получен 30 октября.³⁰ К рапорту была приложена и жалоба Каленова на имя Волконского от 25 октября.³¹

Зная влияние А. А. Аракчеева и учитывая, что через его руки проходили бумаги по многим военным вопросам, адресованные императору, Волконский не удержался от того, чтобы кратко повторить суть дала в сопроводительной записке на имя фаворита.³² Одновременно 27 октября Волконский предписал Ивашинцову донести о ситуации.³³

Но 26 октября Ивашинцев сам направил рапорт Волконскому. Он сообщил, что по прибытии прекратил «все излишние требования» Дибича, «кроме должного продовольствия», приказал отобрать оружие у входивших в состав отряда иностранцев и самих их как «не приносящих жителям никакой пользы, а более наносящих жителям страху», отправить в четырех партиях в распоряжение Волконского. В тот же день 70 вестфальцев, 5 итальянцев, 8 гишпанцев и 18 итальянцев (всего 101 чел.) были отправлены из Белого к Петру Михайловичу в Осташков. Кроме того, в команде Дибича оказались 210 человек бежавших из [224] французского плена русских (9 унтер-офицеров, 3 музыканта и 198 рядовых). Поскольку Дибич употреблял свою власть «к разорению и ограблению обывателей» Ивашинцев отрешил его от команды и поручил ее старшему по чину офицеру – майору Оренбургского драгунского полка Доллеровскому.³⁴ Уже на следующий день, 27 октября Волконский сообщил Ивашинцову, что остатки отряда Дибича он поручает в команду подполковнику Тихановскому, бригадному командиру трех башкирских полков, следующему в Белый с 4-м башкирским полком.³⁵

1 ноября Ивашинцов направил подробные рапорты Волконскому, а 5 ноября Горчакову, в которых сообщает первые результаты расследования. Горчакову он писал, что прибыл в Белый 23 октября и обнаружил подготовку Дибича к выступлению «неизвестно... куда». Но когда Ивашинцов затребовал повеление, на основании которого партизан действует, и запретил выступать без особого приказа, Дибич сказался больным. В тот же день прибыл и Белый и Балабин, вместе с которым они усмотрели «угнетение и обиды обывателям».³⁶ «По прибытии моем в Белый, - писал Ивашинцев Волконскому, - нашел я подполковника Дибича «нездоровым и не могущим на требования мои делать никаких ответов», но о предполагавшемся выступлении партизана не упомянул. Ивашинцов приказал старшему после командира офицеру (Доллеровскому) представить всю команду, в которой оказалось 310 набранных Дибичем пленных (взятых как им самим, так и обывателями Бельского уезда). Посланец Горчакова счел необходимым отобрать от них оружие и сдать его бельскому городничему. Самих же пленных в числе 306 человек Ивашинцов отправил в Осташков (как и обещал в рапорте 26 октября). Он уведомил также Волконского, что 28 октября Каленов представил ему ведомости о забранных Дибичем от помещиков разных вещах. Ивашинцов потребовал объяснений. Дибич признался, оправдываясь однако тем, что брал вещи «единственно для того чтобы сохранить от неприятеля». В присутствии городничего и дворянского предводителя изъятым вещам была сделана опись и они также сданы на хранение городничему.³⁷ В рапорте Горчакову уточняется, что на повторные требования Ивашинцева Дибич ответил, что руководствовался он лишь словесными приказаниями. По поводу жалоб дворянства о непомерных претензиях и обвинений в грабеже имений помещиков Кашталинского и Барышникова Дибич заявил, что «по неимению у [225] себя знающего письмоводителя, а сам по несовершенному знанию русского языка объяснить своей невинности не может», но согласился все взятое им вернуть.³⁸

В письменном объяснении, поданном Дибичем Ивашинцеву 24 октября, он заявлял, что прибытие его в Белый обусловлено военными причинами. Обращение же за помощью в снабжении отряда к бельскому дворянству он оправдывал исключительно «расположением неприятеля почти у границ Бельского уезда» и стремлением «не упустить времени к пресечению неприятельских предприятий». Специфическое комплектование своего отряда Дибич оправдывал тем, что «должность партизана обязывает» его принимать на службу людей «нужных и способных». О числе же принятых он будто бы доносил П. Х. Витгенштейну, Александру I и П. М. Волконскому. Требуемый же Ивашинцовым поименный список своей партии Дибич предоставить отказывался, «ибо в сем содержится секрет». Впрочем, партизан отмечал, что уже направил Волконскому

запрос, обязан ли он давать отчет о числе людей и характере своих задач. Наконец Дибич сообщал, что из входивших в состав отряда немцев и испанцев 1 дезертировал, а 1 «потерян при сражении», из российской же пехоты бежало 130 человек, по большей части с ружьями; дезертировали также и два драгуна. Напомним, что Каленов писал о побегах, совершаемых именно немцами. Кто здесь прав – неизвестно, но очевидно, что каждая сторона подозревала «чужих». Нужно учесть также, что для Дибича признание побегов немцев было крайне нежелательным, поскольку именно они должны были составить костяк его части. В ответ на упрек в произвольном принятии на службу пленных Дибич писал: «иностранцы, имеющиеся в российской службе в верности государю имеют равное участие, как и подданные российские, почему и я, разведав принимаемых людей и спытав их на самом опыте, оставляю у себя и могу в верности их свидетельствовать пред всем отечеством».³⁹ Именно этот ответ Дибича и послужил причиной того, что Ивашинцев, пользуясь полномочиями, полученными от Горчакова, отрешил его от команды. Соответствующее предписание Ивашинцева Дибич получил в 9 часов вечера 25 октября. Однако это было лишь оформлением фактического состояния дел – как следует из рапорта Дибича от 26 октября, еще утром 25 числа устным приказом Ивашинцев [226] затребовал к себе всех наличных воинских чинов, и где они находились, их бывший командир не знал. Как сообщал Дибич, из его отряда откомандирована была «для удержания от набегов неприятеля» партия хорунжего Белоусова в составе 2 урядников, 60 казаков, а также 1 обер-офицер, 1 унтер-офицер и 20 драгун из Оренбургского драгунского полка, 2 человека из русских, «принятых к исправлению офицерских должностей», затем 2 русских унтер-офицера и 50 рядовых, «явившихся от неприятеля из плена» и наконец 2 унтер-офицера и 49 рядовых из взятых в плен и «самих собой явившихся немцев». Кроме того, в Петербург был откомандирован 1 офицер из пленных немцев и 1 урядник. Всего же 192 человека.⁴⁰ Однако 26 октября Доллеровский, рапортуя о принятии команды, сообщал о 216 откомандированных: 1 обер-офицер, 1 унтер-офицер и 22 рядовых Оренбургского драгунского полка; 1 казачий обер-офицер, 2 урядника и 90 казаков, а также 50 явившихся из плена русских солдат и 50 пленных немцев.⁴¹ Такое несовпадение говорит о том, что сам Дибич не вполне контролировал свой отряд. Рапорт бельского городничего Ивашинцову от 1 ноября свидетельствует, что у волонтеров Дибича конфисковано 68 годных ружей и 32 поломанных, 155 патронных сум, 25 лядунок, 11 сабель, 25 тесаков, 9 пик, 900 патронов, 9 барабанов, 58 штыков 3 бочонка пороху, 9 вязанок веревок и походная кузница с 9 голодающими лошадьми.⁴² Дибич же сообщал, что у его волонтеров было конфисковано 29 палашей и сабель, 9 тесаков, 90 патронташей, 900 патронов, кузница с 6 лошадьми, 6 барабанов, 20 лядунок, 9 пик и 28 лошадей.⁴³ 26 октября

Ивашинцев вновь потребовал от отстраненного начальника отряда подробных объяснений. Тут-то Дибич и заявил, что по отсутствию «знающего письмоводителя» и «несовершенному знанию на российском диалекте», объяснить ничего не в силах, правда обещал к оправданию своей невинности представить отчет по-немецки и то не в скором времени, поскольку одержим болезнью.⁴⁴ Все это конечно не могло удовлетворить Ивашинцева и он продолжал проявлять настойчивость. 2 ноября он вновь потребовал объяснений. Однако 3 ноября Дибич вновь отказался дать их, ссылаясь на болезнь и плохое знание русского языка. При этом партизан просил, якобы для скорейшего окончания дела, во избежание лишней переписки отправить его «в главную квартиру к его сиятельству князю Волконскому».⁴⁵ Думается, что истинными мотивами было [227] как раз затягивание следствия, стремление отделаться от слишком уже много узнавшего Ивашинцова и надежда убедить начальство в своей полезности. Но главная причина, по которой Дибич тянул время, по-видимому, состояла в том, что он уже обратился с письмом к императору и ждал ответа. Суть письма сводилась к обвинениям некоторых представителей бельского дворянства в «приверженности неприятелю», а уездных властей и дворянского общества в целом в том, что они препятствовали Дибичу в исполнении его обязанностей. О существовании и содержании письма свидетельствует императорское повеление на имя Волконского от 29 октября, о котором речь еще пойдет. Это письмо сыграло некоторую роль, и указом 31 октября Дибичу было возвращено командование отрядом. Об этом к 4 ноября уже знали и Волконский и Ивашинцов, но Дибич еще не знал и продолжал морочить следователю голову. Рапорт партизана от 3 ноября так поразил Ивашинцева, что он усомнился, сам ли Дибич подписал его. 5 ноября партизан однако заверил, что действительно является автором бумаги, но впрочем, всегда покорялся и ныне покоряется воле начальства, «зная, что настоящая служба зависит единственно в выполнении воли оной». А то, что в присланной бумаге «ничего не находится кроме странного ответа», вновь объяснил незнанием языка, обещал дать подробнейшие объяснения по-немецки и по-французски, но вот только ожидал специального разрешения на это.⁴⁶ Впрочем, и позже партизан продолжал ломать комедию, уклоняясь от объяснений своих поступков. 10 ноября Ивашинцов вновь спросил его о причине задержки объяснений, и получил на следующий день ответ, что Дибич по-прежнему «одержим лихорадочным припадком и еще ныне никакого облегчения не чувствует», но при этом будет «неусыпно стараться о доставлении ответа».⁴⁷ Однако, припадки не мешали партизану 10 же ноября писать Ивашинцову по тем вопросам, по которым он считал нужным.⁴⁸

Военные и гражданские чиновники русским языком владели вполне и представляли многочисленные подробности взаимоотношений Дибича с местным населением. Рапорты Ивашинцова от 1 и 5 ноября строились на собранных им в Белом документах, которые сами по себе содержат множество подробностей «партизанской» деятельности Дибича.

К рапорту Волконскому от 1 ноября была приложена ведомость [228] изъятых и отданных под присмотр дворянского предводителя вещей, принадлежавших в основном помещику Барышникову. Среди них 88 столовых и десертных фарфоровых тарелок, 42 фарфоровых блюда, 37 чашек и 3 чайника, 1 фаянсовый чайник, чайнички, молочники, сахарница, подносы, 4 блюда для варенья, скатерть, план села Бражна, 4 ландкарты. Из 20 похищенных пудов липового меда осталось только 15 фунтов, а вот английская горчица видимо пришлась партизанам не по вкусу – из 4 украденных банок пошла в расход только одна, зато от 5 караваев голландского сыру остался только один. Были возвращены 55 больших китайских картин и 68 малых, 2 мозики, 9 ящичков с астрономическими инструментами и 6 с медицинскими, 2 ящика с духовыми музыкальными инструментами, 13 бинтов для обвязки костей с ремнями, 23 пары столовых ножей и вилок и 20 пар десертных, посеребренный самовар, погребец с чайным медным прибором, 4 постельных одеяла и детское атласное белье. А вот из 40 хомутов нашли только 3 ветхих. Особое внимание в этом списке привлекает «масонского убору» кинжал и треугольник, без которых конечно победить Наполеона никак не представлялось возможным. В ведомости украденных из имения Барышникова и обнаруженных вещей значатся 228 рогожных кулей, 4 чугунных горшка, серебряные чайные и кофейные приборы с подносами, посеребренная дорожная посуда, медные самовары, спальное и столовое белье, 83 пары чулок (в т. ч. 66 шерстяных), 541 аршин крашеного домашнего сукна и еще 119 аршин крестьянского, 5 пудов березового дегтя, 20 пудов сыромятных кож, предметы упряжи, в том числе и с дорогим убором, 5 рублей денег, по 2 пуда, пудры, французской помады и понюшного табаку, комоды, «постельная мебель», а также столик мраморный под золотом. Среди продуктов 667 пудов 17 фунтов печеного хлеба, 86 пудов 19 фунтов сухарей, 16 четвертей 2 четвериков Круп, 421 четвертей 5 четвериков овса, 7290 пудов сена, 259 пудов 15 фунтов говядины, 18 с лишним пудов соли, более 5 пудов сальных свечей, 2 пуда сорочинских круп, 2 пуда перловых, 4 пуда миндаля, 5 пудов сахару, по 20 фунтов чаю и кофею, коровье, прованское, конопляное и ореховое масло. Безвозвратно исчезло простого вина 5 ведер, вареного меда 10 ведер, пива 80 ведер, 5000 бутылок виноградного вина (цифра слишком велика, чтоб ей верить), 60 штофов гданьской сладкой водки и 3 ведра ренского уксусу.⁴⁹

Помимо Барышниковы пострадали и другие жители уезда. Купцы [229] Демидов и Колесников безвозвратно лишились белья, одежды и ландкарт. У подполковника Кашталинского забрана столовая, чайная и кофейная посуда «на знатную сумму», 6 пушек с лафетами, мортира, шитая книжка, ящик с лекарством и 8 пудов пороху (впрочем, все кроме посуды и 4 пушек было возвращено).⁵⁰

Помещица А. Осипова, надворный советник Левейка, полковник Пейский, помещик Воеводский, поручик Хонякевич, помещица Калакуцкая, прапорщик Албединский, потеряли преимущественно продукты, фураж и скот. Все это изымалось без всяких квитанций, что подтвердил Ивашинцову 8 ноября Каленов. Среди изъятого 2519 пудов и 2 воза сена, 76 четвертей овса, 26 овец, 16 свиней, 189 кур.⁵¹ И кроме того, с момента вступления по 5 ноября, от обывателей Белого были забраны 6 коров, 23 пудов 20 фунтов говядины и 109 пудов сена. Вдобавок к этому часть продуктов отпускалась Дибичу по квитанциям 9, 24 и 25 октября, а также 8, 9 и 14 ноября.⁵² Среди отпущенного бесплатно за счет казны значатся 227 ведер вина.⁵³

Каленов 25 октября писал Ивашинцову, что ссылаясь на имеющиеся у него тайные приказы, Дибич заявлял, будто имеет власть принимать в свой отряд не только рядовых, но и офицеров (что и делал), производить в чины вплоть до подполковника, награждать орденами, а не исполняющих его воли расстреливать и вешать. Принятых в отряд пленных он не приводя к присяге на верность службы, назначал в караулы. «При всяком выезде из квартиры брал с собою из немцев для охранения ли себя или для одной только пышности конвой до 20 человек.» Вместо защиты обывателей забрал имущества в помещичьих домах «на великую сумму» и требовал вещей и денег в количестве, несоразмерном с численностью его отряда.⁵⁴

В тот же день 25 октября Каленов направил и большую жалобу Волконскому, в котором повторяя, сообщенное Ивашинцеву, добавлял и другие сведения. Получив этот документ, Волконский, как уже говорилось, 27 октября переслал его императору, а Ивашинцеву препроводил копию, предписав проверить содержащиеся там обвинения.⁵⁵

Каленов писал Волконскому, в частности, что число набранных в отряд немцев за время пребывания Дибича в Белом увеличилось с 200 до 300 чел. за счет вербовки проходящих через город пленных, что в ответ на требования Дибича бельским дворянством производится сбор и безостановочная доставка продовольствия «в [230] достаточном количестве», а о прочих требованиях, которые было выполнить невозможно, отправлено донесение Горчакову. Даже после того как слухи, распушенные Дибичем о приближении неприятеля, оказались ложными, а сам он позорно бежал из Белого вместе с отрядом и возвратился только после того, как опасность оказалась мнимой, «первый

партизан» продолжал производить «ежедневные словесные и строгие к его содержанию требования», причем всегда в полном объеме – даже когда по сотне и более человек из его отряда находились по много дней в разъездах и «в тех местах самовластно доставляют себе продовольствие». Причем за неисполнение сего требования Дибич угрожал непомерными взысканиями. В документе сообщалось и о разграблении имущества помещиков Барышникова, Кашталинского, Альбединского и пр. и о том, что для транспортировки составленного таким способом немалого обоза партизан-мародер держал множество набранных обывательских лошадей, которые находились на продовольствии все тех же обывателей «в совершенное их отягощение». В заключение Каленов просил, расследовав поступки Дибича, воспретить ему «несоразмерные требования» и приказать вернуть отобранное имущество.⁵⁶

Впрочем, кое-что из этого Ивашинцев знал и раньше. Еще 24 октября бельская помещица Марфа Каленова писала направила ему жалобу, согласно которой Дибич «пишущийся ныне полковником» в присутствии духовского земского исправника и заседателей вскрыл в селе Шиловичах дом находящегося в Петербурге ее брата помещика Ф. С. Кашталинского, и взял там «все имущество, что только глазам его попало», «весь дом обобрал до самой последней вещи».⁵⁷ Впрочем, как видно из перечня вещей, сестра потерпевшего несколько преувеличивала размеры убытков.

Еще 8 октября подал Каленову жалобу на «грабительство» Дибича управляющий вотчинами Барышникова майор Ладынин. В ней говорится, что «называющийся первым партизаном барон Дибич» квартировал, как уже упоминалось, некоторое время в вотчине Барышникова селе Николо-Погорелое Дорогобужского уезда. Именно из этого дома и были вывезены все упомянутые выше вещи. По словам Ладынина при выступлении с отрядом в поход Дибич отобрал у него ключи от всех ледников, погребов и кладовых, а если ключи от помещений находились у самих хозяев [231] (выехавших при приближении Наполеона), то разбивал железные двери, ломал комоды и «бирю».⁵⁸ Такую же жалобу, уже цитированную нами, Ладынин подавал еще в сентябре в Сычевский уездный земский суд, поскольку Дорогобужский суд не функционировал. Согласно ей, во время картирования Дибич «довольствовался господским столом со всякими напитками», а отряд снабжался провиантом и фуражом. Тем не менее, при «намерении идти в поход» 15 и 16 сентября дом был полностью разграблен, причем убыток составил по оценкам управляющего «несколько сот тысяч рублей, не менее миллиона».⁵⁹ Вероятнее всего, что Ладынин под впечатлением происшедшего несколько преувеличивал размер ущерба, однако приведенная выше опись похищенного свидетельствует о значительных убытках. Ребров также подтверждает изложенное Ладыниным, говоря, что полную опись

украденного составить невозможно, поскольку грабеж Дибич производил не только днем, но и ночью, поставив вокруг дома охрану из пленных немцев.⁶⁰ Все эти бесчинства происходили не смотря на то, что согласно открытому листу, выданному 10 августа генерал-майором М. И. Левицким, проходящим воинским командам было запрещено брать что-либо в Николо-Поргорелом.⁶¹ Пребывание Дибича в Белом помимо прямого ущерба спровоцировало крестьянский бунт (как уже говорилось) и тяжелую болезнь управляющего Ладынина (о чем еще будет сказано). Поверенный Барышникова Ребров требовал от Ивашинцова заставить подписать Дибича квитанцию на взятый в имени Барышникова провиант и фураж.⁶² Но, уходя из Белого, Дибич 17 ноября отказался подписать эту бумагу. Он заявил, что «не утверждает писанного в оной в полной мере» и вернул документ.⁶³ Согласно этой квитанции с 27 августа по 18 сентября из Николо-Погорелого было взято 667 пудов 19 фунтов печеного хлеба, 259 пудов 17 фунтов мяса, 421 четверть и 5 четвериков овса, 8290 пудов сена, 18 пудов 37 фунтов соли, 16 четвертей и 2 четверика ячневой крупы, 5 пудов 9 фунтов сальных свечей, 228 рогожных кулей, 2 подкованных лошади 14 пудов железа и 5 рублей денег.⁶⁴

Подпоручик Корнилович, начальник Бельский инвалидной команды, жаловался напрямую Горчакову 23 октября. Он писал, что пока он отводил рекрутов в Тверскую губернию, Дибич воспользовался оставшимися в его квартире вещами от рекрутского [232] депо и лазарета при нем. Были «потравлены» 15 возов сена на 85 руб., использована деревянная и стеклянная посуда, 180 столов, 150 кроватей (все это вынута «и куда дёвано неизвестно»)⁶⁵

Подробности разграбления своего имения Албединский сообщил Ивашинцову уже 6 ноября. По контракту он должен был поставлять ежегодно 10 тыс. ведер вина и к моменту нашествия неприятеля в подвалах его дома в с. Половиках хранилось 3 тыс. ведер уже принятых откупщиком. 15 августа в связи с приближением неприятеля он покинул поместье и жил с семьей «вблизи ржевской границы». 10 октября Албединский узнал от своих людей, что в его дом приехали 60 казаков из отряда Дибича (сам партизан находился в 1 версте в с. Крапивне у А. Ф. Браневской), потребовали ключи и забрали 11 бочек вина из 40. При этом они разломали в доме все двери и комоды, взяли много вещей, в т. ч. английские ножи, перчатки, 30 кур, 11 уток, 100 пудов сена, убили вола.⁶⁶ Конфискацию вина производил по приказу Дибича Доллеровский (об этом сюжете речь впереди), но в своих показаниях он заявил, что следов взлома в доме не видел.⁶⁷ Крестьяне Албединского показали, однако, что команда Дибича разломала в доме комоды, двери и забрала разные вещи.⁶⁸ В ходе следствия выяснилось, что по комодам Албединского лазил коллежский регистратор А. Потемкин, который был у Дибича волонтером и с 27 сентября

по 31 октября участвовал в объездах Бельского уезда. Он показал, что в покоях Албединского видел «только мебель и пустые стены», из любопытства залез в комод и взял пару ножей, пороховницу и перчатки, которые вскоре «по ветхости» бросил. Объяснение своим действиям Потемкин дал предельно наивное – вещи он взял решив, что хозяину они не нужны «и по знакомству живущего в доме его Цыбульского».⁶⁹

Нашло подтверждение и обвинение в присвоении себе Дибичем полковничьего чина. Партизан называет себя полковником в квитанциях, выдававшихся им местным властям за продовольствие.⁷⁰

Информация об «образе правления» Дибича содержится и в рапорте тверского гражданского губернатора Л. С. Кологривова в 1-й департамент Правительствующего сената от 31 октября. Еще в конце сентября советник тверской гражданской палаты Денисов был откомандирован в уезды Смоленской губернии (находившейся некоторое время под начальством Кологривова) для восстановления [233] там порядка. Денисову стало известно о притеснениях, чинимых Дибичем жителям Бельского уезда. Узнав, что Каленов уже донес об этом Горчакову, он строго предписал бельским исправнику и городничему не исполнять противозаконных требований Дибича, успокоить жителей, а также произвести следствие обо всех забранных им вещах. Когда Дибич разгласил, что неприятель в числе 6 тыс. человек идет на Белый, Сычевку и Зубцов, Денисов счел «слух сей невероятным», но на всякий случай командировал в Белый 10 октября ржевского исправника для сбережения казенного вина и соли. Однако выяснилось, что неприятель был в 35 верстах от Белого в числе 700 человек и снова обратился к Духовщине. По предписанию Денисова бельский исправник капитан Богуславский, занимавшийся в связи со слухами, распущенными Дибичем, распоряжениями об истреблении мостов, узнав о ложности угрозы, уговаривал бегущих жителей и возвращал их обозы. Как следует из донесения Кологривова, примерно между 15 и 18 октября Денисов объезжал селения Вяземского уезда и обнаружил там прокламации Дибича, которой он созывал дворян к себе и призывал их отобрать от крестьян оружие. По сведениям Денисова Дибич налагал на население непомерные подати деньгами, сукном и амуницией, разграбил дом Барышникова, причинив убытка более нежели на миллион рублей. Об этом Кологривов донес сразу же принцу Г. Ольденбургскому и М. И. Кутузову. 19 октября Богуславский, действуя по приказанию Денисова, открыл с крестьянами 200 человек неприятельской кавалерии, однако не получив просимой у Дибича помощи в казаках, увеличил свой отряд за счет крестьян, преследовал неприятеля и взял в плен 28 чел.⁷¹ Все это характеризует Дибича, конечно, крайне неблагоприятно.

Между тем «первый партизан» не ограничивался грабежами, требованиями денег и вещей в непомерном размере и распространением панических слухов. Он направил, как уже говорилось, императору донесение о действиях и о «недостатках» своего отряда, а также «о злоупотреблениях, в том крае происходящих», называя «многих замешанных тут лиц», которые мешали ему в выполнении обязанностей по службе, и упоминая «даже и о задержанных уже таких, кои разные услуги оказывали неприятелю». Император в повелении от 29 октября приказал Волконскому немедленно расследовать все описанные Дибичем обстоятельства.⁷² Жалоба Дибича оказалась [234] своеобразным противовесом обвинениям, выдвинутым гражданскими властями в адрес самого партизана. К сожалению, дата обращения Дибича к императору неизвестна, но по всей видимости оно было направлено до прибытия Ивашинцова и начала расследования, поскольку никаких следов этих событий в ней нет. Однако, судя по содержанию, документ был составлен не позднее середины октября.

Получив повеление, Волконский 2 ноября предписал расследовать жалобы Дибича все тому же полковнику Ивашинцеву. Употребив по отношению к тексту Дибича слово «донос», Петр Михайлович вполне определенно выразил свое отношение к этому документу.⁷³ Соответствующее предписание Волконского Ивашинцев получил 4 ноября одновременно с отданным на основании императорского указа от 31 октября предписанием о возвращении Дибичу в командование отряда.⁷⁴ Волконский препроводил Ивашинцову и содержание доноса «первого партизана». Документ этот дает представление о целом ряде аспектов деятельности Дибича (помимо незаконных реквизиций), в итоге обусловивших резкий конфликт его с бельским дворянством. Первая группа содержащихся в нем обвинений была направлена против ряда представителей дворянства, якобы действовавших в пользу французов. Так Арбенов, служивший прежде в полиции, по словам Дибича, разъезжал по краю и раздавал французские прокламации, в которых провозглашалась вольность крестьянам. Он был захвачен отрядом Дибича вместе со своим помощником Туркиным и сдан городичему. Некто Резанов скрывал у себя поляка Скальского, посланного для возмущения мужиков. Причем он был «оставлен в покое по предстательству предводителя дворянства», но потом бежал к французам в районе Вязьмы. Уже неоднократно упомянутый майор Ладынин, имея множество припасов, якобы не соглашался увезти их, снабдить необходимым партию Дибича и «по безопасности своей оставил все неприятелю». Таким образом, Дибич в собственных глазах и в глазах императора превращался из рядового мародера в человека пекущегося о благе страны. Для усиления эффекта и уменьшения значения показаний Ладынина, он добавлял, что тот оказался помешанным. Дворянин из Духовщины Рачицкий, служивший прежде

городничим в Белом, присягнул французам «и предводительствовал ими в том краю». Наконец героем доноса был и Албединский, который настраивал [235] всех против Дибича. Мотивом Албединского была личная месть - Дибич приказал разбить принадлежавшие ему 11 бочек вина, «коим надлежало достаться неприятелю». Вторая группа обвинений касается дворян и властей Бельского уезда в целом. Дибич упрекает их в беспечности и отсутствии усердия в деле снабжения его отряда продуктами и вещами, что способствовало бы поражению неприятеля. Вместо этого «они часто оставляли в добычу неприятелю множество таковых вещей и сверх того наименовали Дибича с партией шайкою разбойников», причем один из них покушался даже ударить партизана саблей. Наконец Дибич просил присоединить к его партии всех находящихся в его уезде ратников, «ибо они не будучи образованы, не зная никакой подчиненности и следуя буйствам необузданного своего стремления, предаются пьянству, обращаются в одном только грабеже, убивают даже собственных своих казаков и преклоняются на службу неприятеля, исправляя должность шпионов». По сути, последний пункт тоже являлся тяжким обвинением в адрес местных властей в неспособности организовать ополчение и защиту уезда.⁷⁵ 5 ноября Ивашиных и советник тверской гражданской палаты Денисов выработали и подписали план следственных мероприятий по доносу Дибича.⁷⁶ По всей вероятности, сотрудничество с гражданской администрацией в этом вопросе являлось для Ивашиных необходимой страховкой на случай бюрократических ходов Дибича, в которых «первый партизан», в отличие от действий против неприятеля, проявил себя мастерски.

По поводу плохого снабжения партизан Ивашиных потребовал сведений у майора Доллеровского. 6 ноября тот донес, что во время марша отряд довольствовался провиантом и фуражом от местных жителей. Во время же пребывания в Белом провиант, фураж и мясная порция (по полфунта) доставлялись бельским дворянством, а винная порция (2 раза в неделю) - управляющим питейной конторой. Все это выдавалось своевременно и его подчиненные ни в чем не испытывали недостатка.⁷⁷ Предводитель 8 ноября тоже писал, что отряд Дибича снабжался всем необходимым «по словесным требованиям его», причем продовольствие отпускалось даже на откомандированных, которые брали его на местах сами «столько, сколько им было угодно». Каленов сообщал об организации даже за свой счет лазарета для раненых и больных, при этом не упустив [236] случая пожаловаться, что Дибич взял под свое начальство уездного штаб-лекаря. В доказательство своей правоты представитель власти представил подписанные Дибичем квитанции о получении продовольствия, при этом приложил длинный реестр того, что было забрано партизанами у дворян без квитанций. В целом же Каленов опровергал все

претензии партизана-мародера и в свою очередь обвинял его в «нестерпимых поступках» по отношению к дворянству.⁷⁸

Как ясно из уже цитированного рапорта Каленова Волконскому от 25 октября (он был переслан Ивашинцову 27 октября), важнейшую роль в развитии конфликта бельского дворянства и партизана-мародера сыграли распущенные им ложные слухи о приближении неприятеля, а главное поведение Дибича в этой ситуации. Как пишет Каленов, Дибич 8 октября «незнамо в каком намерении в г. Белом пропустил слух о приближении к оному неприятеля, в больших силах и с пушками следующего. Сказав о том мне и городничему, - продолжает предводитель, - приказал жителям города немедленно съезжать, представляя для всех неизбежную опасность, через что произвел в городе великое волнение, выпроводил свой обоз и пехоту по Ржевской дороге... где обозными людьми и пехотою забрано у обывателей немалое число скота, птиц и разных пожитков». Между тем, оставшийся в городе Каленов просил Дибича отправить навстречу неприятеля часть своего отряда, «от чего он совершенно отказался», однако казачьи офицеры Белоусов и Ионов, «по усиленной просьбе» предводителя с тремя дворянами отправились к Духовщине «для узнания неприятельских сил» и «возвратясь оттоль объявили о безопасности и что небольшая неприятельская партия не доходя до Белого 40 верст ретировалась обратно». Спокойствие в городе было восстановлено, и даже сам Дибич возвратил в город свою пехоту и обоз, уже ушедшие за 30 верст. Впрочем, такое поведение не мешало Дибичу по-прежнему требовать от властей полного содержания отряда. Однажды Каленов, придя к Дибичу в сопровождении нескольких дворян, заявил что не смотря на исправное снабжение «в опасных случаях на защиту его надеяться не можно». В ответ партизан «разгорячась чрезмерно, присвоя себе начальственную власть», назвал предводителя и дворян уезда бунтовщиками, взял Каленова за воротник «и будучи в азарте» попытался отобрать у него саблю, крича, что он [237] арестован. Когда же предводитель с сопровождавшими его лицами «принужден был от него удалиться», Дибич стал кричать, требуя к себе 50 казаков, «а на какой предмет, неизвестно».⁷⁹ Объяснения, данные помещиком Албединским Ивашинцеву 6 ноября, проливают дополнительный свет на этот драматический эпизод. Именно из них становится ясно, зачем предводитель с несколькими дворянами 12 октября отправились с претензиями на квартиру к Дибичу. Главным инициатором этой акции был сам Албединский, так что партизан совершенно прав, считая его лидером недовольных. Но на то были свои причины – 12 октября Албединский приехал в Белый жаловаться на разграбление имения и уничтожения партизанами Дибича находившегося в его поместье вина. Вместе с предводителем он и отправился к партизану-мародеру выяснять отношения. К ним присоединились еще

несколько дворян. Дибичу объяснили, что забранное вино уже принадлежало откупщику и уничтожать его не следовало (о том, что вино было уже передано в казну знало и армейское начальство⁸⁰). Партизан заявил на это, что предводитель сам был сторонником уничтожения вина в уезде. Каленов возражал, что он сперва запросил на это разрешения начальства и в ожидании ответа ничего не предпринимал. Тут-то Дибич и назвал дворян бунтовщиками, угрожал покинуть город, оставив его на произвол французов, и получил от предводителя упрек в том, что распустив ложный слух о приближении врага, вместо защиты населения и выяснения обстановки, приказал всем покинуть город и первый ретировался вместе с обозом. «Дибич, рассердясь, жестоко кричал «Подлецы! 50 казаков!», повторяя сие неоднократно, сказал на предводителя «я вас арестую!» и выбежал вон из комнаты, а когда г-н предводитель стал сходить с крыльца, схватил его за воротник, кричал еще казаков и говорил, что я вас арестую, на что ответ был предводителя без всякой горячности, держа руку за саблю «я вам арестовывать себя никак не позволю», и потом пошли мы все на квартиру г-на предводителя», - завершает рассказ Албединский.⁸¹ Следует отметить, что во время всех этих препирательств Дибич вполне удовлетворительно справлялся с трудностями русского языка, с которым никак не мог совладать при объяснениях с Ивашинцовым. Версии происшествия изложенные Каленовым и Албединским, как видно, в главном совпадают, расходясь в деталях и последовательности выдвинутых [238] сторонами обвинений. Единственное важное расхождение – эпизод с холодным оружием, который каждая из сторон трактовала в свою пользу. Дибич утверждал, что его пытались ударить саблём, Каленов писал, будто Дибич пытался у него саблю отобрать. Албединский же занял нейтральную позицию, утверждая, что предводитель лишь взялся за оружие.

Сцена объяснения в доме Дибича привлекала особое внимание Ивашинцова. Тем более, что имелось семеро свидетелей – присутствовавших при ней бельских дворян и чиновников. Показания дали майор В. Ф. Касперский, поручик В. Бронеский, титулярный советник В. И. Кузмицкий, капитан П. Богуславский, капитан М. М. Броневский, поручик А. Б. Ксимовский, заседатель земского бельского суда штабс-капитан Шляхтинский. Их показания в целом совпадают не только по содержанию, но и по формулировкам (особенно троих первых), что позволяет предполагать совместное творчество или наличие единого протографа. Но про саблю тоже нет однозначного суждения. Касперский говорит, что саблей ударить Дибича никто не пытался, а М. Броневский, Ксимовский и Шляхтинский утверждали, что в ответ на угрозу ареста Каленов взялся за нее рукой.⁸²

Большинство свидетелей говорят, что Албединский и Каленов были приглашены для разговора самим Дибичем. Из некоторых показаний ясно, что первоначально к

Дибичу отправились Албединский и Каленов, а остальные присоединились к ним лишь по дороге, причем это был не первый их визит в дом партизана («как прежде то нередко бывало», - говорит о посещении Дибича Касперский; «и даже был им угаживаем», - пишет про себя В. Броневский). Это свидетельство имеет существенное значение, оно показывает, что бельские жители и партизан не были, по крайней мере изначально, так резко настроены друг против друга, как это могло бы показаться, если исходить из прочих документов дела. О ходе спора предводителя и партизана в показаниях свидетелей существенных разногласий нет. Правда в показаниях имеется дополнительная деталь: В. Броневский, по словам Касперского, на крыльце пытался остановить Дибича, схватившего за воротник предводителя, взял партизана за руку и «говорил вежливым манером по-французски». Сам В. Броневский привел свои слова, сказанные Дибичу: «Пожалуйста, г-н подполковник, не ищите сделать неудовольствие честному человеку и такому же штаб-[239] офицеру как Вы». Но Дибич отвечал тоже по-французски, «неблагопристойно выражая, что он вовсе не уважает предводителя и что он даст ему себя знать».⁸³

Интересно, что по поводу конфликта с Албединским Дибич, счел нужным дать объяснения, хотя в других случаях ссылался на болезнь и незнание языка. 10 ноября он признал, что дал приказ Доллеровскому и его драгунам вывезти вино из дома Албединского в Белый, а сам отправился на поиски необходимых для этого подвод. Но на другой день Доллеровский сообщил, что лошади от тяжести «пристали», и поэтому партизан велел «разрубя бочки выпустить оное вино на землю».⁸⁴ Возможно, он считал себя в данном случае абсолютно правым, тем более, и сам предводитель не отрицал необходимости спасения вина от неприятеля. Доллеровский, как участник, полностью подтвердил версию Дибича относительно процедуры изъятия вина, добавив, что 11 бочек, которые удалось увезти, конвоировал урядник 1-го тептярского полка Кунакбаев. Выяснилось, что приказ об уничтожении вина был отдан Дибичем не только тогда, когда лошади отказались везти ценный груз, но и после того как ночью две бочки якобы разбились.⁸⁵

В ответ на запрос Ивашинцова по поводу претензий Дибича, Каленов сообщил, что расследование действий арестованного и содержавшегося на гауптвахте Резанова он предоставил самому партизану. Вскоре Резанов однако явился к предводителю и заявил, что Дибич отпустил его. Освободившись, он никуда не бежал, неоднократно приезжал в город и даже посещал партизана. Прислал Ивашинцов Каленову для объяснений и самого Резанова.⁸⁶ 10 ноября прибывший Резанов дал показания Ивашинцову. Он сообщил, что управлял имением полковника А. Г. Волжинского, жил в с. Боровщина Вяземского уезда и был арестован Дибичем по ложному обвинению. Поляк же Скальский жил вовсе не у него,

а у помещика П. С. Лелюлина и во многих других господских домах. По доставлении в Белый Дибич угрожал Резанову «при многих дворянах расстрелянием и вешанием». Бывший арестант подтвердил версию Каленова о своем освобождении и добавил, что «первый партизан» «знавши сущую» его «невинность» протянул руку и дал честное слово защищать перед императором.⁸⁷

Защищая, со своей стороны, дворянство, Каленов писал, что оно само боролось с подозрительными людьми. В частности, когда стало известно, что входивший «во французское правительство» [240] в Смоленске майор Артемьев (а не Арбенев, как у Дибича) выехал к Белому, предводитель поручил партизану задержать его. Дибич послал казаков, но задержан и доставлен в Белый к «первому партизану» Артемьев был дворянином Бельского уезда Мастыкой⁸⁸, что подтвердил и сам Мастыка⁸⁹. Впрочем, городничий Адамович утверждал 5 ноября, что Артемьев и Тыркин были задержаны и доставлены к нему Дибичем.⁹⁰ Наконец сам Дибич 13 ноября пояснил, что Мастыка лишь сообщил уряднику, отправленному вместе с казаками для поимки Артемьева, о местонахождении наполеоновского агента и участвовал в задержании.⁹¹ Впрочем, это не помешало Горчакову в итоговом докладе по материалам следствия сделать вывод, будто Дибич подтвердил, что Артемьев был взят именно Мастыкою. Сопоставление показаний по этому узкому сюжету дает представление, как в обстановке конфликта каждая сторона стремилась выставить себя в лучшем свете и дискредитировать противоположную.

Рачинский, как указывает тот же Адамович, был тоже задержан отрядом Дибича и отправлен в Осташков к Волконскому.⁹²

Ладынин в ходе следствия действительно был признан сумасшедшим. Причиной этого штаб-лекарь считал удар в голову тяжелым предметом, правда время когда это произошло определить не брался.⁹³ Вполне возможно, потрясение, испытанное Ладыниным, было столь значительным, что имевший ранее травму головы отставной майор повредился в уме. Допустить, что Барышниковы держали сумасшедшего управляющего можно едва ли. Ребров подтверждал в письме Ивашинцову 4 ноября, что после ухода отряда Дибича и крестьянских беспорядков в имении, приведших к его окончательному разорению, Ладынин впал в «большую апохондрию» и прямо обвинял в этом партизана. По словам Реброва Ладынин был по приказанию Дибича арестован и содержался в Белом.⁹⁴ Крестьяне и бурмистр вотчины также единогласно подтвердили, что на момент отъезда из Николо-Погорелого Ладынин был здоров.⁹⁵

В жалобе 25 октября Волконскому Каленов выдвинул против Дибича и еще одно обвинение: будто бы партизан расстрелял в городе на площади двух крестьян помещиков Барышникова и Зверева «без приготовления к тому по долгу христианскому».⁹⁶

В объяснениях, данных Ивашинцову 8 ноября, как и в цитированном письме Горчакову от 4 октября, предводитель [241] подчеркивает заслуги бельского дворянства перед отечеством: ополчения было собрано больше, чем предполагалось; после занятия Смоленска было создано дополнительное конное ополчение из 600 чел., которое охраняло границы, несколько раз доходило до Духовщины, убивая и забирая в плен неприятеля; собирались продукты для армии; для снабжения проходящих команд, пленных Великой армии и бежавших от французов русских пленников был организован дополнительный сбор продовольствия и фуража (до 20 тыс. пудов муки, 600 четвертей круп, 5 тыс. четвертей овса, более 30 тыс. пудов сена, по «большой рогатой скотине» со 100 душ и по барану с 25 душ).⁹⁷ Все это должно было в глазах властей опровергнуть обвинения Дибича в недостатке у дворян уезда патриотизма.

1 декабря Каленов жаловался Горчакову на несправедливое «объяснение» Дибича императору, что якобы его отряд оказался «по неусердию» бельского дворянства без продовольствия.⁹⁸ А 8 декабря Ивашинцов сообщил Горчакову, что по результатам его расследования донос Дибича на дворян Бельского уезда оказался несправедливым «во всех частях». Остановки в снабжении отряда продовольствием никогда не было. Более того, отряд Дибича был довольствован от дворян «без всякого прекословия большим числом, нежели принадлежало и с тою готовностью, с которою преисполнено к государю и отечеству того уезда благородное общество». В качестве доказательства Ивашинцов представлял управляющему министерством квитанции за продовольствие, выданные жителям самим же Дибичем. Лица же, якобы имевшие дурное влияние на дворян, вовсе не принадлежали бельскому дворянству, причем некоторые из них были уже наказаны. Сам же Дибич, пишет Ивашинцов, «надлежательных к делу объяснений как видно по упорству и нехотению своему» не дал, а «относился на те предметы, на кои токмо желал, почему и порядок следственных дел не весь выполнен».⁹⁹ Последнее обстоятельство полностью подтверждается имеющимися в деле рапортами Дибича к Ивашинцову.

По результатам следствия Горчаков составил доклад для представления императору. На основании материалов Ивашинцова управляющий Военным министерством полностью подтвердил обвинения бельского дворянства в адрес Дибича и отверг все его претензии.¹⁰⁰ Доклад этот не датирован, но составлен он мог быть [242] только после 8 декабря, когда Ивашинцов представил результаты расследования. Никаких данных о рассмотрении его Александром I не имеется. Но вне зависимости от того, были ли эти материалы представлены царю, свое отношение к Дибичу и его отряду монарх ясно определил в указе, данном на имя Волконскому еще 31 октября.

Не смотря на то, что император знал обо всех обвинениях против Дибича и отдал приказание их расследовать, содержание этого указа кажется на первый взгляд парадоксальным. Император, узнав, что по распоряжению Волконского (если быть точнее, то с санкции Горчакова, по приказу Ивашинцова, но с одобрения Волконского) немецкие волонтеры, состоявшие в отряде Дибича, выведены из под его команды и «отправлены как бы военнопленные в Осташков», в указе 31 октября писал Петру Михайловичу следующее. «Не одобряя меру сию, а напротив, желая, чтобы число таких войск, добровольно поступающих на службу нашу, ежели можно умножилось, повелеваю вам возвратить их по-прежнему в команду подполковника Дибича. На сей конец счел я нужным утвердить и принять в нашу службу представленных от него чиновников, дабы сим ободрить иностранцев к приклонности на нашу сторону, а вместе с тем повелел управляющему Военным министерством снабдить г. Дибича надлежащею суммой для доставления нуждающимся в отряде его зимней одежды. На основании сего дайте знать полковнику Ивашинцову, что следствие, производимое им над подполковником Дибичем не может служить поводом к отлучению его от команды, а потому я надеюсь, что вы поспешите возвратить его к прежнему его месту и окажите ему с своей стороны всевозможное пособие в собрании немецких войск в службу нашу». Полковник же Ивашинцов, согласно указу императора, по окончании следствия должен был вернуться в Петербург и донести о его результатах управляющему Военным министерством.¹⁰¹ Таким образом Дибич выиграл поединок с военно-административной машиной империи, представленной управляющим Военным министерством Горчаковым, генерал-адъютантом императора Волконским и полковником Ивашинцевым. Выиграл, правда, временно. Помимо политических обстоятельств, очевидных из текста указа, некоторую роль сыграл и бюрократический маневр партизана, пожаловавшегося императору на местные власти, от которых и исходили [243] основные претензии к нему. Во всяком случае, у императора был повод сомневаться в тяжести возводимых на партизана обвинений. Впрочем, вряд ли можно допустить, что Александр I верил Дибичу больше, чем Волконскому.

Еще не зная о реакции императора на его распоряжения, Волконский в тот же день, 31 октября донес Александру, уточняя свои распоряжения, что отряд Дибича (состоящий из 60 драгун и казаков и 210 нижних чинов разных полков, явившихся из плена) он поручил бригадному командиру трех башкирских полков (№№ 3, 4, 5) подполковнику Тихановскому, находящемуся в Белом. Военнопленные же, входившие в состав отряда Дибича (более 300 чел.) как ненадежные к употреблению в службе обезоружены, препровождены в Осташков, а затем будут отправлены в Новгород.¹⁰²

Получив указ, отправленный ему 31 октября П. М. Волконский, сообщил 2 ноября в письме Аракчееву, что царский гнев для него крайне прискорбен. Он объяснил, что разоружение команды Дибича «было сделано единственно для восстановления спокойствия в Бельском уезде, от разорения и грабительства Дибичем производимых», о чем свидетельствуют и препровожденные к императору ведомости «о числе вещей им награвленных и у него найденных». Разоруженные же волонтеры не считаются пленными, их планировалось отправить в Новгород, чтобы тамошний губернатор снесся о них с принцем Ольденбургским, занимающимся составлением немецких легионов. Именно в них в итоге Волконский планировал определить и волонтеров Дибича, получив предварительно, конечно, санкцию императора. «Теперь же, получив высочайшее повеление, - заканчивает он свое письмо, - обращу сию команду Дибичу, но притом уверен, что в непродолжительном времени вновь выйдут на него жалобы и может быть беспокойство от обывателей, которые его не иначе почитают как разбойником или сумасшедшим. Зная Дибича, признаюсь, весьма для меня удивительно, как можно доверять ему какое-либо поручение, впрочем, воля на то его императорского величества».¹⁰³

Одновременно 2 ноября Волконский пишет и рапорт императору. Повторив, что не считал волонтеров Дибича пленными, а лишь желая препроводить их через Осташков и Новгород в немецкие легионы, формирующиеся в Ревеле, он отметил, что побудили его к этой мере [244] «производимые ими под командованием подполковника Дибича разные грабежи и неурядица» (о них показано в рапорте предводителя дворянства Бельского уезда, препровожденном к императору Волконским еще 27 октября). Сведения Каленова подтвердил и Ивашинцов, рапорт которого от 1 ноября Волконский также прилагал.¹⁰⁴

В тот же день, 2 ноября, Волконский сообщил о содержании императорского указа Ивашинцову. От себя князь добавил, что уже отправил из Осташкова фельдъегеря с открытым предписанием для препровождения следующих туда волонтеров обратно в Белый. Ивашинцову также предписывалось вновь раздать им оружие и вернуть под команду Дибича, «не отлучая его от них» на время следствия. Что касается, майора Доллеровского с драгунами и хорунжего Белоусова (из полка Чернозубова) с казаками, то их следовало «по ненадобности... в Белом» отправить к своим полкам (если не будет препятствия к соединению со своим полком Доллеровского). Вернувшихся из плена 210 российских нижних чинов следовало оставить в Белом и при удобном случае отправить к своим полкам.¹⁰⁵ Этот приказ был получен Ивашинцовым 4 ноября.¹⁰⁶

3 ноября Волконский предписал принять «в соответствии с местными способами» меры к продовольствию приводимых в Белый пленных и находящихся там бежавших из

рук французов российских нижних чинов. Об отпуске русским одежды и обуви князь просил у Горчакова.¹⁰⁷ В результате 8 ноября бельский земский исправник сообщил Ивашинцеву, что продовольствие этих категорий лиц удобно из сельских магазинов «откуда они доселе всегда довольствованы были».¹⁰⁸

Александр же, в свою очередь получив, рапорт Волконского от 31 октября, подтвердил ему 3 ноября необходимость точно исполнения указа, посланного в тот же день, что и рапорт Волконского.¹⁰⁹

И наконец, 5 ноября Волконский отправляет для личного доклада императору вернувшегося из Белого флигель-адъютанта Балабина. «Осмеливаюсь при сем случае довести до сведения вашего императорского величества, - оправдывался Волконский в письме императору от того же числа, - что опасаясь неприятных последствий от беспокойства жителей Бельского уезда, произведенного им грабежами и разными грубостями, им [245] оказанными самими волонтерами, которые к тому ж сделались мне подозрительными по причине побегов, учиненных ими из команды г. Дибича, я хотел удалить их от сего города».¹¹⁰

Копия императорского указа 31 октября была в тот же день Аракчеевым препровождена к Горчакову, с тем, чтобы тот выделил амуницию и необходимую сумму на жалование и обмундирование отряда Дибича. В сопроводительном письме Горчакову Аракчеев приводит и состав отряда Дибича: 5 казачьих офицеров и 136 казаков, драгуны (1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 60 нижних чинов), 1 офицер немецкой конницы, 38 «легкоконцев», 180 человек российской пехоты, немецкая пехота (1 офицер, и 215 нижних чинов), 87 «гишпанцев» и 17 «долматов» - итого 743 человека.¹¹¹ 1 ноября Горчаков сообщил Волконскому, что он предписал генерал-провиантмейстеру Лабе учредить содержание отряда Дибича, а Комиссариатскому департаменту дал поручение отправить к Волконскому деньги на жалование отряда и 4000 руб. на его обмундирование.¹¹² В результате Горчаков направил Волконскому для передачи Дибичу на нужды отряда 7989 руб. 95 коп.¹¹³

Впрочем, со своей стороны, 6 ноября Волконский препроводил Ивашинцеву «список о числе чинов, имеющих состоять в отряде подполковника Дибича» и предписывал вручить этот отряд, в том числе и Доллеровского с драгунами, в командование «партизану».¹¹⁴ В этой ведомости отсутствуют казаки и 2 драгунских обер-офицера, имеющиеся в письме Аракчеева.

Получив деньги, Дибич 8 ноября направил рапорт Горчакову. В нем он запрашивал, следует ли выдавать жалование немецким волонтерам по штату немецких легионов, обмундировывать ли драгунам наравне с легионерами, жаловался на то, что все

кроме драгун в его отряде не имеют рубах и поэтому сильно страдают от холода, а также на отсутствие оружия и лошадей. Согласно рапорту, его волонтерный корпус теперь состоит из 450 чел., а остановить вербовку он не имеет права не получив соответствующего повеления. Сообщил Дибич и о данном Волконским разрешении направлять надежных людей в неприятельскую армию с прокламациями. Текст прокламации был зачитан и волонтерам отряда перед приведением их к присяге (8 ноября присягнули 352 человека).¹¹⁵ Таким образом Дибич сам фактически подтвердил обвинение Каленова, что немцы служили в его отряде без присяги.

Об изменении реальной численности отряда Дибича в эти дни [246] свидетельствуют его требования на продовольствие, выставленные Каленову: на 8 ноября – на 99 н. ч.; на 9 ноября – на 3 обер-офицера и 475 н. ч.; на период с 10 по 15 ноября – на 5 обер-офицеров и 525 н. ч.¹¹⁶

Надо сказать, что и после восстановления Дибича в правах его отношения с местными властями не были безоблачными. Хозяинчаться в уезде как прежде, партизан уже не мог – он находился под следствием и рядом был Ивашинцев. Но 11 ноября Каленов жаловался Ивашинцову, что Дибич требует на каждого обер-офицера своего отряда по 2 фунта мяса в день, а на каждого нижнего чина – по 1 фунту, что «несообразно предположенным на предмет сей постановлений». Предводитель просил «воздержать» Дибича от «безмерных» требований, поскольку стоящий на квартирах его отряд может довольствоваться приварком от своих хозяев, а из-за падежа скота увеличение мясной порции представляется затруднительным.¹¹⁷ Дибич пошел на попятную, вступать в новую фазу конфликта ему явно не хотелось. В оправдательном рапорте Ивашинцову 12 ноября он заявил, что завышенное требование мясной порции является результатом технической ошибки, которая произошла по вине нанятого им письмоводителя, не забыв при этом напомнить, что сам «на российском диалекте несовершенно сведущ». Последнее обстоятельство не мешало ему впрочем ранее ни просить деньги на содержание отряда ни писать жалобы на местные власти. Не удержался Дибич от обвинений Каленова и в этот раз. Оказывается, он сам первый заметил ошибку, послал забрать бумагу у предводителя, но тот не отдал ее. Более того, Дибич писал Ивашинцову, что приказал своим подчиненным не получать незаконно просимую порцию. И наконец жаловался, что не имеет никакого законного постановления и формы книг для учета провианта.¹¹⁸

Тем временем отряд, или как сам Дибич его называл «волонтерный корпус» был переведен под команду П. Х. Витгенштейна, от которого получил приказание двигаться в Витебск.¹¹⁹ Уже 6 ноября Волконский писал Горчакову, что в связи с подчинением вверенных ему войск Витгенштейну, отчет о расходовании переданных Дибичу средств

должен уже требовать именно командир 1-го Отдельного корпуса.¹²⁰ В рапорте Горчакову от 8 ноября Дибич сообщал об отсутствии связи с новым начальником (Дибич даже не знал где тот находится)¹²¹, но 14 ноября [247] вечером Дибич получил от Витгенштейна предписание немедленно покинуть Белый, следовать в Витебск и по прибытии донести.¹²² Наконец 17 ноября «первый партизан» сообщил Ивашинцову, что приняв русскую и немецкую команды, он выступает в поход. Однако «оружейные вещи» в полном объеме ему возвращены так и не были.¹²³

Установленных следствием Ивашинцова фактов было достаточно, для того чтобы Дибич понес самое суровое наказание, хотя из дела видно, что жалобщики в отдельных случаях несколько преувеличивали его вину. Однако этого не произошло. Политические выгоды от существования воинской части из военнопленных немцев представлялись императору неизмеримо важнее, чем убытки подданных и даже риски военного характера, обусловленные ложным донесениями. Но все же в дальнейшем отряд Дибича никак не использовался. Он был причислен к орловским легионам из военнопленных, а позднее ликвидирован. Дальнейшей карьеры Дибич, не смотря на неоднократно предпринимаемые попытки, тоже не сделал.¹²⁴

Не смотря на всю одиозность фигуры В. И. Дибича его брат, сделавший успешную карьеру, продолжал поддерживать связь с ним и помогал материально. К примеру, 1 октября 1820 г. И. И. Дибич просил графа Д. Д. Куруту, ближайшего друга великого князя Константина Павловича, выдать В. И. Дибичу в долг 100 червонных или 1800 злотых.¹²⁵ 20 января 1821 г. Курута писал Ивану Ивановичу, что отпустил его брату по прибытии в столицу Царства Польского 1800 золотых, а затем еще столько же при проезде его в Могилев. Курута просил младшего Дибича вернуть одолженные Василию Ивановичу деньги.¹²⁶

Сам И. И. Дибич тоже был человеком эмоциональным и экспрессивным. Ф. В. Булгарин вспоминал: «Ему иногда вредила необыкновенная вспыльчивость и какое-то внутреннее пламя, побуждавшее его к непрерывной деятельности. Во время последней турецкой войны (1828-1829 гг. – Б. М.)...русские прозвали его в шутку Самовар-Паша, именно от этого вечного кипения. Прозвище это, несколько не оскорбительное, живо изображает его характер». Самоваром, по воспоминаниям Булгарина, И. И. Дибича называли еще в юности.¹²⁷ Однако качества военного и администратора позволили ему сделать, в отличие от старшего брата, блестящую карьеру. Карьеру же [248] Василия Ивановича погубила не только излишняя горячность нрава, но в первую очередь авантюризм, завышенная самооценка, нежелание сообразовываться с объективными обстоятельствами, граничащие с не вполне адекватным восприятием реальности.

- ¹ Миловидов Б. П. Отряд подполковника Дибича в 1812-1813 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2005. С. 159-185.
- ² РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600. Л. 34; Ф. 2677. Оп. 1. Д. 349. Л. 159.
- ³ РГВИА Ф. 2677. Оп. 1. Д. 349. Л. 159.
- ⁴ РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600а. Л. 81.
- ⁵ РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600. Л. 81.
- ⁶ Благодарю за предоставленную информацию А. А. Вершинина.
- ⁷ Письма А. П. Ермолова к Д. В. Давыдову // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 4. С. 224. - О действиях Дибича в 1806-1807 гг. см.: Миловидов Б. П. Указ. соч. С. 159.
- ⁸ *Безотосный В. М.* Чуйкевич Петр Андреевич // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.
- ⁹ РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600. Л. 57об., 60.
- ¹⁰ РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600а. Л. 126.
- ¹¹ *Поликарпов Н.* Неведомый и неуловимый русский партизанский отряд 1812 года и его тайные союзники и соратники. // 1812 год. Двухнедельный иллюстрированный журнал М., 1912 № 13-14 С. 469.
- ¹² Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 1. М., 1865. Приложения. С. 305.
- ¹³ *Колубакин Б. М.* Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. 1. СПб., 1912. // Труды Императорского Русского военно-исторического общества. – Благодарю А. И. Сапожникова за указание на этот документ.
- ¹⁴ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 89.
- ¹⁵ Там же. Л. 117.
- ¹⁶ РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600. Л. 81об.
- ¹⁷ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 2.
- ¹⁹ Савин Н. И. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Дорогобуж, 1926. С. 9-10.
- ²⁰ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 144.
- ²¹ РГИА Ф. 1409 Оп.1 Д. 699. Л. 28об.
- ²² РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 2-8. Подробный список требуемого Дибичем имущества см.: Там же. Л. 221, 228.
- ²³ Там же. Л. 8об.
- ²⁴ Там же. Л. 11.
- ²⁵ Там же. Л. 77-78.
- ²⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Л. 15.
- [249]
- ²⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 14 Ч. 2. СПб., 1913 С. 265.
- ²⁹ Подробнее см.: Попов А. И. Иван Сусанин 1812 г. // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции Малоярославец. 2001. С. 46-49.
- ³⁰ Сборник исторических материалов... Вып. 14. Ч. 2. СПб., 1913 С. 188-189.
- ³¹ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 22.
- ³² Отечественная война в письмах современников. 1812-1815. СПб., 1882 С. 299-300.
- ³³ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 23.
- ³⁴ Там же. Л. 102.
- ³⁵ Там же. Л. 101.
- ³⁶ Там же. Л. 29.
- ³⁷ Там же. Л. 23, 29
- ³⁸ Там же. Л. 29.
- ³⁹ Там же. Л. 81-82.
- ⁴⁰ Там же. Л. 91.
- ⁴¹ Там же. Л. 90.
- ⁴² Там же. Л. 24, 103.
- ⁴³ Там же. Л. 92.
- ⁴⁴ Там же. Л. 93.
- ⁴⁵ Там же. Л. 104.
- ⁴⁶ Там же. Л. 106.
- ⁴⁷ Там же. Л. 142.
- ⁴⁸ Там же. Л. 137.
- ⁴⁹ Там же. Л. 25-28, 224-226.

-
- ⁵⁰ Там же. Л. 226об. -227.
⁵¹ Там же. Л. 133, 222-223
⁵² Там же. Л. 132, 172, 223.
⁵³ Там же. Л. 176, 178.
⁵⁴ Там же. Л. 31.
⁵⁵ Там же. Л. 98.
⁵⁶ Там же. Л. 99-100.
⁵⁷ Там же. Л. 36.
⁵⁸ Там же. Л. 37-39.
⁵⁹ Там же. Л. 89.
⁶⁰ Там же. Л. 144.
⁶¹ Там же. Л. 86.
⁶² Там же. Л. 144.
⁶³ Там же. Л. 116.
⁶⁴ Там же. Л. 117.
⁶⁵ Там же. Л. 42.
⁶⁶ Там же. Л. 127-128.
⁶⁷ Там же. Л. 154.
⁶⁸ Там же. Л. 199.
⁶⁹ Там же. Л. 158.
⁷⁰ Там же. Л. 172, 176.
[250]
⁷¹ Там же. Л. 47-56. – Приказ о возвращении к своей должности Денисов получил 15 ноября (Там же. Л. 160).
⁷² Сборник исторических материалов... Вып. 2. СПб., 1889 С. 133-134.
⁷³ Сборник исторических материалов... Вып. 10. СПб., 1899. С. 296.
⁷⁴ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 29, 122.
⁷⁵ Там же. Л. 123-124.
⁷⁶ Там же. Л. 125.
⁷⁷ Там же. Л. 126.
⁷⁸ Там же. Л. 131-133.
⁷⁹ Там же. Л. 100.
⁸⁰ Там же. Л. 199.
⁸¹ Там же. Л. 128-129.
⁸² Там же. Л. 149, 162, 165.
⁸³ Там же. Л. 148-153, 161-167.
⁸⁴ Там же. Л. 137.
⁸⁵ Там же. Л. 154.
⁸⁶ Там же. Л. 130
⁸⁷ Там же. Л. 141.
⁸⁸ Там же. Л. 134.
⁸⁹ Там же. Л. 135-136.
⁹⁰ Там же. Л. 138.
⁹¹ Там же. Л. 145.
⁹² Там же. Л. 138.
⁹³ Там же. Л. 139
⁹⁴ Там же. Л. 144.
⁹⁵ Там же. Л. 189.
⁹⁶ Там же. Л. 99-100.
⁹⁷ Там же. Л. 130.
⁹⁸ Там же. Л. 69.
⁹⁹ Там же. Л. 70-71.
¹⁰⁰ Там же. Л. 192-203.
¹⁰¹ Сборник исторических материалов... Вып. 2 СПб., 1889. С. 142-143.
¹⁰² РГИА Ф. 1409 Оп. 1. Д. 699. Л. 29; Сборник исторических материалов... Вып. 14. Ч. 2. СПб. 1912 С. 191.
¹⁰³ Отечественная война в письмах современников. 1812-1815. СПб., 1882 С. 309.
¹⁰⁴ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 22.
¹⁰⁵ Там же. Л. 105.
¹⁰⁶ Там же. Л. 29.
¹⁰⁷ Там же. Л. 107.
¹⁰⁸ Там же. Л. 108.
¹⁰⁹ Сборник исторических материалов... Вып. 2. СПб., 1889. С. 152.
¹¹⁰ РГИА Ф. 1409 Оп. 1 Д. 699 Л. 29об.

¹¹¹ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 19. — В Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии документ опубликован с ошибками. (Вып. 15. Пг., 1915. С. 74)

[251]

¹¹² РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 20.

¹¹³ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 420а. Л. 545об.

¹¹⁴ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 109-110.

¹¹⁵ Там же. Л. 58-60.

¹¹⁶ Там же. Л. 112.

¹¹⁷ Там же. Л. 111.

¹¹⁸ Там же. Л. 113.

¹¹⁹ РГВИА Ф.1 Оп. 1. Д. 2600. Л. 34.

¹²⁰ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2600а. Л. 44.

¹²¹ Там же. Л. 59.

¹²² Там же. Л. 114.

¹²³ Там же. Л. 117.

¹²⁴ *Миловидов. Б. П.* Указ. соч.

¹²⁵ РГВИА Ф, ВУА. Д, 658. Л. 10.

¹²⁶ Там же. Л. 12.

¹²⁷ *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М., 2001. С. 139-140.